

ЭДМОНДО ДЕ АМИЧИС

В ПОХОДЕ

Эдмондо де Амичис

В походе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25452206

Аннотация

«Стоял прекрасный августовский день, без малейшего облачка и ветерка, дорога по которой шел полк, была широкая, прямая и такая длинная, что не видно было ей конца; она была покрыта поднимавшеюся столбом мельчайшею пылью, проникавшею в глаза, в рот, под одежду и делавшею бороды и волосы седыми. Справа и слева от дороги не было ни деревца, ни кустика, ни малейшей тени, ни капли воды...»

Эдмондо де Амичис

В походе

Стоял прекрасный августовский день, без малейшего облачка и ветерка, дорога по которой шел полк, была широкая, прямая и такая длинная, что не видно было ей конца; она была покрыта поднимавшеюся столбом мельчайшею пылью, проникавшею в глаза, в рот, под одежду и делавшею бороды и волосы седыми. Справа и слева от дороги не было ни деревца, ни кустика, ни малейшей тени, ни капли воды. Местность была сухая, голая, пустынная, и немногие дома, разбросанные там и сям, казались необитаемыми. Невозможно было остановить взгляда ни на дороге, ни на стенах, ни на полях; все было залито ярким солнцем. Люди шли с опущенными головами и полузакрытыми глазами. Одним словом, это был прекрасный августовский день и отвратительный день для похода.

Полк находился в пути немного более часа. Несмотря на пыль и духоту, солдаты были еще бодры и веселы, как в момент выступления. Они шли по двое в ряд по обеим сторонам дороги, и перебрасывались шутками, остротами и крылатыми словечками. По временам раздавался взрыв смеха, слышалось шумное хлопанье в ладоши, за которыми следовал неизменно окрик: – Смирно, ровнее! – немедленно восстанавливавший тишину и порядок. Слышалось пение по три,

по четыре, по пять голосов вместе: тут веселый тосканский напев, там патетический южный романс, далее альпийская военная песнь; одни замолкали, другие запевали, и тысячи разных говоров и наречий чередовались и сливались вместе. Поход происходил по всем правилам: сомкнутые ряды, бодрая походка, офицеры на своих местах; все в порядке, все на своем месте. Превосходно! И люди шли и шли...

Но поглядите-ка на второго солдата в первом ряду! Он начинает отставать. – Эй, послушай-ка! не отставай! И вот он вновь на своем месте. Еще десять-двенадцать шагов. Второй отстает. – Ну-ка маршируй на своем месте, слышишь! – Поглядите, как идут задние ряды! – Черт возьми! Держите строй, вы там; прибавь шагу! – Солдаты бегут, котелки хлопают по бокам, патроны шумно встряхиваются в патронташах, происходит смятение, поднимается пыль, которая все покрывает... Ряды сомкнуты... – Надо безусловно передохнуть; тут нужны железные легкие. Какой сегодня скверный день для похода... Солнце печет головы, пыль отнимает дыхание, дороге не видно конца, а эти кепи!.. Если бы попало хоть одно дерево, хоть немного тени, хоть капля воды! Но ничего... Эта настоящая пустыня.

Песни, раздававшиеся недавно, упали на один тон, разговор стал менее оживленным, ряды менее сомкнуты. Командир первого отряда находится уже во главе второго, командир второго – в хвосте третьего. Видно, что полк находится в пути уже три часа.

Прямая дорога кончилась, теперь она начинает извиваться. Глаз не может отдохнуть на крышах какой-нибудь далекой деревни, на колокольне церкви, на чем-нибудь, что указывало бы на близость жилья, обещало бы остановку, дало бы немного передохнуть...

Боже мой, что это за дорога! Не видно ничего в ста шагах перед собою. Вперед, бодритесь, еще пять минут, и мы на повороте. Почем знать, может быть за поворотом покажется вдаль деревенька или группа деревьев, где нам разрешат остановиться! Надежда придает силы; походка становится ровнее. Вот и поворот. Солдаты бегут, чтобы скорее попасть на новое направление, вытягивают шеи, жадно устремляют глаза в даль... Дома? Деревья? Остановки? Деревни? Ничего. Дорога, и одна дорога. Боже, какое отчаяние! Головы снова опускаются на грудь, глаза потупляются, спины сгибаются под сумками; ряды, сомкнувшиеся в спешке, снова смешались, хвост вылез вперед, командир первого отряда уже во главе второго, командир второго – во главе следующего, капитан... а где же капитан?

Пение, раздававшееся два часа тому назад, упало уже на два тона. Солдаты поют, потому что начали петь; иначе они не запели бы вновь. Разговор натянут, шутки перестали быть остроумными. Ох, видно, что полк находится в пути уже четыре часа.

Люди идут и идут. Лица загорели на солнце, стали мокры от пота, смуглы, напряжены, совсем преобразились; дыхание

стало тяжелым, губы отвисли, язык вздулся, руки распухли и висят, как плети; ступни болят, во всем теле чувствует-ся усталость; сумки спускаются до самой поясницы, патрон-таши болтаются, шинели на плечах смялись и запылились, галстуки развязались, кепи либо сдвинуты на самый заты-лок, либо касаются козырьками носа. Глаза, ослепленные яр-ким светом, либо неподвижно устремляются на следы това-рища перед собою, либо жадно бродят в поисках ручейка, ис-точника... даже болота, только бы залить этот адский огонь, который жжет внутренности... Ох, эта жажда! И в возбуж-денном уме встают разнообразные, неясные воспоминания: о кабачках, посещавшихся прежде (в счастливое время!), где сидят посетители и медленно потягивают из больших стака-нов ледяное пенящееся пиво, о потоках живой воды, кото-рые, пенясь, вырываются из скалы и, приятно журча и свер-кая хрустальным блеском, извиваются и исчезают в траве... О, если бы добраться до такого ручья! – Дойдя до остановки, я выпью столько, что умру! Я сейчас же помчусь в ресторан-чик, одним духом опустошу целую бутылку, даже две, даже три, если будет мало двух...

Люди идут и идут. Пение замерло, разговоры замолкли. Неискренняя шутка вырывается иногда у наиболее сильных; но все напрасно – ее встречают ледяным молчанием. Лю-ди идут в безмолвии. Многие бывшие во главе оказывают-ся теперь в хвосте и хромают. Наиболее сильные, бывшие в хвосте, очутились незаметно для самих себя, во главе. От-

ряды смешиваются. – По местам! Эй, вы, по местам! Разве так маршируют? – Но они не обращают внимания; говорить, кричать, все равно бесполезно. – Эй, вы там! Почему вы останавливаетесь? Вперед, подбодритесь, вставайте! – Лейтенант, я не могу. – Ничего, Ничего, вставайте, вперед... – Но напрасно: он уже спит. – Сомкнитесь вы там. Живее! Теперь уже недалеко.

– Еще бы недалеко! Они всегда так говорят. А остановок из за этого никогда не делают. А суп сегодня утром была голая вода. А денег до сих пор не выдали. А по этому солнцепеку можно было тронуться в путь немного раньше. А остановок никогда не делают, а суп... а деньги...

– Посторонитесь, посторонитесь! Что там такое? Кто едет? Быстрый лошадиный топот, густое облако пыли... вот оно рассеялось. Это офицер генерального штаба.

– Да, вот они, те, что заставляют нас тащиться по жаре. Им удобно кричать с лошади: – вперед! – тем, что идут пешком... Если бы они несли сумки. – Эй, ты, поднимай ноги! Мало здесь пыли, что ли?

Кто останавливается, кто замедляет шаги и пропускает вперед свой отряд, чтобы остановиться незамеченным: голоса начальства звучат сердито, но не авторитетно; приказания отлаются редко. Командир первого отряда... Где же командир первого отряда? Ах, видно, что полк находится в пути уже пять часов.

Но что это такое? Раздались трубные звуки. Протяжное

ох! разливается, точно эхо, с одного конца колонны до другого. Все останавливаются, и начинается смятение, суматоха, сбрасывание сумок, падение ружей, беготня направо и налево... Кепи так и катятся вниз во рвы... В две минуты полк исчез. Во рвах по обеим сторонам дороги происходит давка, шум, споры из-за клочка тени или нескольких травинок; все это сопровождается пинками; локти работают во всю. По полям бродят взад и вперед солдаты в поисках за водою, ищут друг друга, встречаются, останавливаются, точно муравьи на коре дерева; жалобные голоса просят пить, сердитые голоса отказывают им или неохотно соглашаются. Чашки вырываются из рук с гневом и завистью... Понемногу шум замирает, движения становятся реже, воцаряется тишина; удобно ли, неудобно ли, но все растянулись в тени и закрывают глаза... Еще одна минута, и весь полк будет спать.

– Посторонитесь, посторонитесь, ребята! Пропустите. Эй ты, слышишь! Смотри, переедут тебя. А ты убери свою сумку с дороги... Пропустите... Посторонитесь слегка. – Но вот он, друг добрых людей, вот само провидение! Это марки-тант. Он привез с собою жизнь. Спящие просыпаются, потягиваются, протирают глаза, приподнимаются на локтях. Вот они уже на ногах, бегут и толпятся вокруг телеги, напирая и наваливаясь на нее, как морские волны на судно среди бури. Над всею этою толпою протягивается бесчисленное множество рук, подаются и получают деньги, слышатся сердитые жалобы на то, что люди ждут уже целый час и ничего еще не

получили, раздаются то настойчивые требования, то просьбы... Бедный человек пыхтит, потеет, просит, чтобы не наваливались на него и дали ему вздохнуть.

Снова играют трубы. Это к сбору. Протяжный ропот удивления и недовольства служит ему ответом. Не дадут даже куска проглотить. Лучше было не останавливаться в таком случае. – Хотят убить нас. Это собачья жизнь. – Толпа медленно расходится; во рвах, кто с трудом усаживается на земле, кто потихоньку встает на ноги, кто лежит и наслаждается последнею минутою; понемногу все поднимаются на дорогу, сумки взвалены на плечи, порядок восстановлен. Опять играют трубы; первый отряд трогается в путь... второй, третий... весь полк движется. – Эй вы, на место! Чтобы не было прежнего беспорядка!

С полчаса дела идут немного лучше, несмотря на то, что члены болезненно чувствуют краткий отдых, и не все люди успели утолить жажду.

– Но поглядите-ка, как маршируют задние ряды! – Сомкнетесь вы или нет? – В течение получаса, как было сказано, дела идут немного лучше; ряды сомкнулись; кто отстал, тот догнал свой отряд; офицеры вернулись на свои места. Но до чего солнце печет головы! Это африканская жара! Невозможно выдержать. Ноги не в силах больше подниматься и волочатся по земле; руки висят, как плети, пояса сваливаются, ремни сумки режут плечи, шинель давит живот.

– Видно, не добратья нам никогда до места. И куда только

нас ведут?

– Ручей, ручей! – Известие встречается радостными криками. Ряды расстроились, все бегут; люди набрасываются на воду по пять, по шесть, по десять человек, бранятся, толкаются, спорят, кричат, дерутся. – На места, на места, эй вы! – гремит рассердившийся офицер. Толпа рассеивается по всем направлениям; многие с отяжелевшим от воды животом тщетно стараются добраться до своего места; другие добегают, запыхавшись, и вынуждены вскоре остановиться, третьи стоят у ручья еще одну минуту, хотя бы для того, чтобы оросить последний взгляд на благословенную воду... Силы уходят, пустота в рядах делается чаще, рвы наполняются выбившимися из сил людьми; они шатаются, падают... Внезапно за поворотом дороги показывается вдали колокольня, деревня. – Остановка, остановка! – Этот крик разливается мгновенно по всему полку; действие его изумительно: силы возвращаются, ряды снова смыкаются, отряды приходят в порядок, отставшие догоняют полк; все изменилось. Музыка играет, полк входит в деревню. На порогах лавок, на углах улиц, у окон, на балконах появляется масса любопытных; там и сям показываются у дверей хорошенькие лица с выражением сострадания и любопытства. – Бедняжки, как они, видно, устали! – Ох, действие этих глаз! Кто шел, согнувшись, тот в последний раз выпрямляется с большим усилием; кто хромал, тот идет теперь более твердою походкою; кто чуть не падал, выбившись из сил, тот забирает себя в руки

и марширует... – Эй, вы, куда вы пошли? – За глотком воды, лейтенант. – Нечего, нечего, на место! – Ох, какие жестокие! – шепчут кругом сострадательные мамыши: – как обходятся с бедными ребятами! Не дают и воды выпить!

Полк прошел, сложил оружие, разбил палатки... О, какой это оживленный и веселый лагерь! А о лишениях и тягестях похода они даже не вспоминают?

О, нет..., даже во сне.